

УДК 34

**КЛЕВЕТА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
И РАЗГРАНИЧЕНИЯ С ОЦЕНОЧНЫМИ СУЖДЕНИЯМИ**

Мезенцев И.С.¹

*Юридический институт НИУ «БелГУ»,
Студент третьего курса
Белгород, Россия*

Оганян Г.Г.

*Юридический институт НИУ «БелГУ»,
Студентка третьего курса
Белгород, Россия*

Аннотация: в данной научной работе рассматриваются актуальные теоретические и практические вопросы квалификации клеветы как преступления против чести и достоинства личности в аспекте современного уголовного законодательства Российской Федерации. Автор статьи проводит анализ специфики ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, обращая особое внимание на законодательные изменения последних лет, расширившие область применения данной нормы на интернет-пространство и публичные выступления. Особое место в работе занимает проблема разграничения порочащих сведений, которые выражаются в форме утверждения о фактах, и оценочных суждений, защищенных конституционным правом на свободу слова. В статье определяются дефекты и пробелы правоприменительной практики, которые, прежде всего, связаны с использованием лингвистических экспертиз, а также предлагаются критерии для более точной квалификации содеянного, минимизирующие риски

¹ Научный руководитель - **Шумилина О.С.**, Юридический институт НИУ «БелГУ», доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н., доцент (Белгород, Россия)

Shumilina O.S., BelSU Law Institute, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

необоснованного привлечения к уголовной ответственности за критические высказывания.

Ключевые слова: клевета, уголовная ответственность, оценочное суждение, порочащие сведения, честь и достоинство, лингвистическая экспертиза, свобода слова, квалификация преступления.

***DEFAMATION IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN
FEDERATION: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND
DIFFERENTIATION FROM VALUE JUDGMENTS***

Mezenntsev I.S.
BelSU Law Institute,
Third year student
Belgorod, Russia

Oganyan G.G.
BelSU Law Institute,
Third year student
Belgorod, Russia

Abstract: this scientific paper examines the current theoretical and practical issues of the qualification of libel as a crime against the honor and dignity of the individual in the aspect of modern criminal legislation of the Russian Federation. The author of the article analyzes the specifics of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, paying special attention to legislative changes in recent years that have expanded the scope of this rule to the Internet and public speaking. A special place in the work is occupied by the problem of distinguishing defamatory information, which is expressed in the form of statements about facts, and value judgments protected by the constitutional right to freedom of speech. The article identifies defects and gaps in law enforcement practice, which are primarily related to the use of linguistic expertise, and also suggests criteria for a more accurate qualification of what has been done, minimizing the risks of unjustified criminal prosecution for critical statements.

Keywords: slander, criminal liability, value judgment, defamatory information, honor and dignity, linguistic expertise, freedom of speech, qualification of a crime.

Проблема уголовно-правовой охраны чести, достоинства и деловой репутации личности в российском государстве к настоящему времени приобрела особую остроту в связи с тотальной цифровизацией общественных отношений и трансформацией способов распределения сведений. Клевета, которая предусмотрена ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), подразумевает собой сложное по составу преступление, находящееся на стыке интересов частного лица и публичного порядка [1]. Эволюция данной нормы, прошедшей путь от декриминализации до возвращения в разряд уголовно наказуемых деяний с последующим значительным ужесточением санкций в 2020-2021 годах, говорит о поиске государством баланса между защитой репутации и сохранением конституционных гарантий свободы мысли и слова.

Фундаментальная сложность квалификации данного деяния заключается в установлении совокупности трех обязательных признаков: факта распространения информации и сведений, их порочащего характера, а также заведомой ложности данных сведений для виновного.

Стоит сказать, что под распространением в классическом аспекте понимается сообщение информации или сведений хотя бы одному лицу, помимо потерпевшего, однако в современных условиях публикация в социальных сетях или анонимных мессенджерах формирует ситуацию неограниченного доступа, что законодатель выделил в качестве квалифицирующего признака [2, с. 253].

Ключевой проблемой уголовно-правовой доктрины и правоприменительной практики остается разграничение клеветы и оценочных суждений. На основании позиций Верховного Суда Российской Федерации и международно-правовых стандартов, которые продолжают оказывать

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

значительное воздействие на российскую юриспруденцию, предметом клеветы могут быть только сведения о фактах, то есть информация о событиях или действиях, реальность которых можно проверить опытным путем.

Оценочные суждения, мнения и убеждения, наоборот, являются полноценным выражением субъективного взгляда индивида и не могут быть проверены на предмет соответствия реальности, а значит, не образуют состава преступления, которое предусмотрено ст. 128.1 УК РФ. Однако, как показывает практика, грань между утверждением о факте («Гражданин А. совершил кражу») и оценочным мнением («Я считаю Гражданина А. бесчестным человеком») часто оказывается размытой, в частности в контексте политической дискуссии или профессиональной критики [1]. Ситуация также осложняется использованием в речи скрытых утверждений, риторических вопросов или иронических высказываний, которые могут восприниматься аудиторией как фактические данные, но формальным образом маскироваться под личное мнение.

Для квалификации клеветы принципиальное значение имеет субъективная сторона преступления, которая обуславливается только прямым умыслом. Виновный в обязательном порядке должен не просто распространять ложные сведения, но и осознавать их ложность в момент совершения деяния. В случае, когда лицо добросовестно заблуждалось относительно правдивости сведений и информации, уголовная ответственность исключается, что переводит конфликт в плоскость гражданско-правовых отношений в рамках ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Основная проблема состоит в том, что в условиях развития цифровых технологий, информационных войн и высокой скорости репостов «заведомость» становится труднодоказуемой категорией. Часто следственные органы подменяют установление заведомо ложности констатацией самого факта несоответствия сведений реальности, что является грубой методологической ошибкой. Стоит также сказать, что включение в Дневник науки | www.dnevnika.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

диспозицию статьи возможности совершения клеветы в отношении «неопределенного круга лиц» сформировало дополнительную коллизию: как может быть заведомо ложным утверждение о группе лиц, если индивидуализация каждого участника данной группы не произведена? Такое расширение состава требует значительно осторожного применения, чтобы не превратить нормы о клевете в инструмент подавления любой социальной критики [3, с. 67].

Что касается объективной стороны клеветы, то она требует обязательного наличия «порочащего» характера сведений. Необходимо отметить, что порочащими признаются сведения или информация, которые содержат утверждения о нарушении гражданином норм российского законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота. В данном контексте фундаментальным инструментом правосудия становится судебная лингвистическая экспертиза [5, с. 4].

Однако в юридическом сообществе к настоящему времени наметился кризис доверительного отношения к данному институту из-за отсутствия единых методологических стандартов.

На практике эксперты лингвистической экспертизы часто выходят за рамки своей компетенции, отвечая на правовые вопросы, вместо того чтобы ограничиваться исследованием смысловой структуры высказывания. Для повышения качества квалификации необходимо четкое разделение функций: эксперт устанавливает форму выражения, а судебные органы дают правовую оценку наличию состава преступного деяния [6, с. 138].

Еще одним не менее значимым проблемным аспектом является разграничение клеветы и смежных составов, в частности, таких как оскорбление (ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Российской Федерации) [7] и публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности.

В случае, когда клевета представляет собой ложь о фактах, то оскорбление представляет собой негативную оценку личности в неприличной форме. Некоторые трудности могут возникнуть, когда ложное утверждение о факте трансформируется в нецензурную форму. В подобных случаях правоприменитель в обязательном порядке должен исходить из приоритета защиты чести: если сведения и информация ложны и порочны, в обязательном порядке должна применяться норма о клевете, даже если форма высказывания была оскорбительной.

Актуальным остается вопрос конкуренции норм при клевете в отношении судей, прокуроров и следователей. Специальный субъект потерпевшего требует более строго подхода к доказыванию, так как в данном случае объектом посягательства является не только репутация чиновника, но и авторитет государственной власти в целом.

Пути решения установленных проблем лежат в плоскости дальнейшей детализации разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Представляется необходимым закрепить презумпцию оценочного характера суждения в тех случаях, когда высказывание допускает двоякое толкование.

По словам С.А. Черниговой: «Заведомость подразумевает достоверное, несомненное знание виновного о ложности распространяемых им сведений. Виновный должен осознавать до или во время совершения преступления, что сведения не соответствуют действительности. Например, в статье 128.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за клевету, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. При этом судебная практика придерживается позиции: если лицо добросовестно заблуждалось относительно характера распространяемых им сведений (считало их истинными) или хотя бы

сомневалось в этом, то ответственность за клевету исключается ввиду отсутствия признака заведомости» [2, с. 254].

Таким образом, клевета в уголовном праве российского государства остается необходимым, но крайне опасным инструментом. Применение санкции в обязательном порядке должно быть ограничено случаями явного, целенаправленного и злонамеренного распространения фейковых сведений и информации, которая способна причинить значимый вред личности. Разграничение фактов и мнений представляет собой не просто лингвистическую задачу, а барьер правового характера, которая препятствует эрозии свободы слова. Исключительно при строгом соблюдении стандартов доказывания субъективной стороны и корректном использовании экспертных знаний ст. 128.1 УК РФ сможет выполнять свою истинную функцию, заключающаяся в защите доброго имени граждан без ущерба для открытого общественного диалога [1]. Трансформация законодательства о клевете за последние несколько лет говорит, что право должно быть столь же динамичным, как и информационная среда, которую оно регламентирует, не допуская при этом перехода от защиты прав личности к неоправданной криминализации публичной полемики.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Просвет. – 2026. – 78 с.
2. Чернигова, С. А. Эволюция понятия «клевета» на разных этапах становления российского законодательства / С. А. Чернигова // Эволюция российского права: Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апреля 2021 года / Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования «Уральский государственный юридический университет». – 2021. – С. 252–258.

3. Крючкова, В. Ущерб репутации работника: как защитить свою честь, достоинство и привлекательность на рынке специалисту, если его публично оклеветала компания, работодатель или заказчик услуг / В. Крючкова // Трудовое право. – 2022. – № 11. – С. 67-71.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2026).

5. Климкина, Е. И. Клевета в современном уголовном праве / Е. И. Климкина // Вестник СГЮА. – 2021. – № 4. – С. 137–144.

6. Вишняков, Д.Ю. Особенности квалификации клеветы, соединенной с обвинением в совершении преступления / Д. Ю. Вишняков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 6. – С. 60–65.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2026).